Алексейчикова Н.Н. (г. Могилев)

ДЕТИ В СЕМЬЯХ МОГИЛЕВЧАН В XVI – XVII вв. (ПО МАТЕРИАЛАМ АКТОВЫХ КНИГ МОГИЛЕВСКОГО МАГИСТРАТА)

В XVI – XVII вв. на территории Великого княжества Литовского существовал традиционный тип брачности[1]. В семьях рождалось много детей, но лишь незначительная их часть выживала. Высокая детская смертность была связана с тяжелыми условиями жизни и низким уровнем гигиены. Дети часто становились жертвами заразных болезней: коклюша, дифтерии, оспы, туберкулеза, - причинами смерти служили также врожденные и наследственные болезни [21, S. 49 – 50; 22, S. 103]. В целом состав семей во многом зависел от имущественного и сословного положения семьи. Так если в крестьянских семьях насчитывалось от 3 до 5 детей [17, С. 25], то для городских семей, по подсчетам автора диссертации, было характерно наличие 1–3 детей[2] (Приложение). Причем, если в семьях состоятельных горожан характерно наличие 3–4 детей, а для семей со средним достатком – 2–3, то среди семей, находившихся в стесненном материальном положении, преобладают семьи с 1 ребенком[3]. Подобная ситуация была обусловлена тем, что состоятельные мещане имели возможность обеспечить лучшие условия жизни для детей, а также прокормить большее количество [23, s. 139]. Кроме того, в рассматриваемое время в городской среде также отмечается значительное количество бездетных семей (11,46%)[4] (Приложение).

Жизнь ребенка в семье начиналась с того, что его приобщали к Богу – крестили. Обряду крещения придавали большое значение, поскольку душа некрещеного ребенка не попадала ни в Рай, ни в Ад: *«Каждый человек в греху первородном зачинается и родится поневаж греха превородного крещенiем Святым не омывши малiи дети померли, для того до Неба не пойдут и лица Божого не будут видети. Еднак оумерлiи без крещения дети малiи не пойдут до пекла, поневаж суть невинныи, жадного греха еща не оучиниши, зачим для тое и невинности детиннои на иншое плеце особливое Бог малыи дети не крещенiи спасает…»* [3, л. 45]. Обычно обряд крещения проводился через несколько месяцев после рождения. Однако, если ребенок рождался слабым и его жизнь была под угрозой, то его крестили немедленно, причем обряд производили мать или отец. Если ребенок оставался жив, то чуть позже проводили обряд крещения как положено в церкви [9, с. 380]. После чего забота о новорожденном возлагалась на плечи матери, вне зависимости от того, какого пола был ребенок. В отличие от городов Франции [19, s. 48 – 53], в Беларуси в XVI – XVII вв., также как и в Польше, отсутствовала традиция передавать младенцев на попечение кормилиц. Считалось, что мать сама должна кормить ребенка грудью [21, s. 86–90]. В состоятельных семьях, когда дети подрастали, прибегали к помощи нянек: *«протестовалъ мещанинъ могилевский Харко Кузминичъ на Орину Ивашковну Турцовую, о томъ, ижъ кгдымъ домъ собе для мешъканья купъномъ набылъ, въ ономъ зъ малжонкою моею въ день поживенья собе почтиве и пристойне працою и промысломъ набываючы, для торговъ на рынокъ уставичъне выходили и для того не уставичъне въ дому и часто отгожаючись, дети малые*

---

[1] Для традиционного типа брачности характерен высокий уровень рождаемости и не менее высокий уровень детской смертности [14, с. 60]

[2] Приводимые цифры указывают на количество детей проживавших в семьях горожан в XVI–XVIII вв. Актовые книги не позволяют установить количество детей, которое рождалось.

[3] Приводимые цифры, несомненно, не отражают реальную демографическую ситуацию. Это обусловлено тем, что материалы актовых книг не позволяют определить всех детей, которые рождались в семьях горожан, а только тех, которые доживали до момента составления завещания одним из родителей.

[4] Такое количество бездетных семей объясняется тем, что к моменту составления завещаний (данный вид документов был взят за основу для установления детности горожан, поскольку дает наиболее полное представление по данной проблематике), у супружеской пары дети могли отсутствовать из-за высокой смертности. С другой стороны наличие в городской среде невенчанного брака позволяло его легко расторгнуть, и некоторые семьи просуществовали всего несколько дней, а потому супруги не успели обзавестись детьми.

Электронная библиотека Белорусско-Российского университета

и маетность всякую зоставивши, а для сторожи тыхъ детей здоровья и маетности целости и всего домовъства дозору ‹…› Орину» взяли [5, с. 291–292].

Родители обязаны были не только заботится о своих детях, но и воспитывать их. В семье ребенок знакомился с традициями и обычаями присущими данному обществу, нормами морали. Родители должны были приобщить своих детей к христианской вере. С этой целью церковь предусматривала прощение грехов для родителей, которые приобщают детей к христианской вере: *«Все вместе и каждый по отдельности, отец и мать, хозяин или хозяйка дома, кто бы в домах своих детей, челядь или домашних учил христианской вере ‹…› получают на 100 дней прощение грехов…»* [9, с. 26]. Жители Могилева в XVI–XVII вв. довольно серьезно относились к данной обязанности, свидетельством чему является то обстоятельство, что они указывают на эту необходимость при составлении завещаний: *«Дашко Санкович ‹…› такий тестамент учинил ‹…› и до того своег(о) и детемъ своимъ меновалъ и постоновилъ опекуна Панфила Никоновича, зятя своег(о), маючы о немъ уфане доброе, иж он тую вою его остаточную выполнит, а особливе ижъ о деткохъ его працу и старане будет мет, абы были выховани в боязни Божой и въ твиченю добром…»* [1, с. 564–565]. Приведенный отрывок, указывает и на еще одну обязанность родителей, они должны были позаботиться о будущем своих детей – дать им образование. Образование получали по разному: детей могли отдать в приходскую школу[1] [2, с. 43], либо же людям, которые были грамотными: *«Марко Иванович, служебник его мл. пана подсудка Оршанског(о) пана Подбийпеты, жаловал на Маркову молярову о томъ, ижь ее сына Прокопа взял был до себе на науку, которог(о) мел так выучыт, яко и самъ умеет по руску и по полску…»* [1, с. 339].

С юного возраста горожане привлекали своих детей к трудовой деятельности: *«Алексей Хведорович, мещанин Могилевски,жаловал на учтивого Стефана Шылковника ‹…› о томъ, иж дей он од мене девку Алену, которую мъ я собе был взял за властное дитя, хотечи ее доховат до лет зуполных при собе, то пак не ведати для которое причины до себе перемовил»,* а Алена сообщила *«иж взял мене Алекъсей Хведорович з Быхова яко убогую сироту и беручи поведил мне, иж штомъ у него мела служить, за тое мел ми платит и потом замуж оддать, якожемъ ему служила полтеря года…»* [1, с. 94–96]. Как видим показания Алексея Федоровича и Алены рознятся, с одной стороны могилевчанин утверждает, что взял девушку в качестве приемной дочери, с другой – Алена говорит о том, что пошла к нему в качестве служащей. Исследование материалов данного дела позволяет утверждать, что между Алексеем и Аленой существовали взаимоотношения как между отцом и дочерью. Говорить об этом позволяет тот факт, что в соответствие с постановлением суда, девушка должна была вернуться к Алексею Федоровичу и служить до тех пор, пока он не выдаст ее замуж, последний же обязан был наделить ее приданным, как и обещал. Под словом «служить», на наш взгляд, имеется ввиду всестороння помощь, которую должны были оказывать дети своим родителям. Кроме того, данное дело, хотя и не дает нам возможности с точностью установить возраст, с какого девушки начинали заниматься домашним хозяйством, но это точно было еще до того момента как они достигали 13–15 лет (возраст, позволявший им вступать в брак).

Жители белорусских городов, в отличие от мещан польских земель, которые отдавали своих сыновей в ученичество с 7 летнего возраста [23, s. 143], делали это по достижению детьми 15 лет и старше [19, с. 105]. Обучение продолжалось от 1–3 до 5 лет, в зависимости от вида ремесла: *«Аниско Дешкович жаловал именем сына своего Опанаса на мещанина Могилевског(о) Антона Акулинича, иж сына своег(о) был дал у науку ремесла болтушницкого на рок целый…»* [1, с. 601]. Учеником мог стать тот, кто подтверждал законность своего рождения, был лично свободным, и имел несколько поручителей, которые могли возместить купцу вред, если вдруг таковой причинит ученик *«...przyięty ‹…› uczen na to rzemoistło ma napierwiey pokazac list, isz iest dobrzych rodzicow w stanie małżenskim spłodzony;*

[1] В рассматриваемое время в Могилеве действовала католическая приходская школа, с распространением Реформации начали открывать братские школы, не стал исключением и Могилев (1590 г.), а в XVII в. в Могилеве действовала иезуитская приходская школа [2, С, 44–45, 52–53, 118].

Электронная библиотека Белорусско-Российского университета

‹…› uczen przyęnty na rzemiostło nie ma na nauce trwac u mistra swego, iedno trzy lata; a iesliby uczen od mistra swego z nauki uciekszy zmieszkał cztery niedzieli, rękoima iego, ktory zan ręczył, wina ma położyc…»[1] [4, с.288]. Иногда родители отправляли своих детей обучаться ремеслу за пределами города: *«мацко Кондратович, мещанин Могилевский, оповедалъ о том, ижь еще я в молодых летех своихъ пошол есми был на низ для твиченья ремесла, и тамъ есми был через лет чотыри…»* [1, с. 459–460]. Необходимость получения будущей профессии имела для жителей городов столь важное значение, что некоторые могилевчане, составляя завещания, уделяли внимание данному вопросу. Так, в 1580 г. Яков Максимович, оставляет опекуну своего сына следующее поучение: *«которое дитя, он, Иван, маеть дать на науку якогож колвек ремесла…»* [1, с. 487].

Родители обладали правом распоряжаться своими детьми. Например, могли отдать их в услужение в качестве уплаты своего долга: *«Федор Федорович чинил оповедане о томъ, иж вчорашънего дня с позаранъку жонка моя Ганнуша Уцка Мешкова, которую мъ мел закупъку от отца ее Парфема Мелевича…»* [1, с. 165]; *«Тотяна, яко сторона отпорная, поведила: а я дея была вина жыду Межыбоскому, нижли я у долгу заставила была дитя свое…»* [1, с. 257]. Как видим, в данном случае именно женщина оставила своего ребенка в качестве уплаты долга, несмотря на то, что у нее есть муж. Скорее всего, это было обусловлено тем, что данный ребенок, о котором идет речь в деле – это дитя женщины от другого брака, а потому мы наблюдаем ситуацию, когда мать, а не отец, распоряжается его судьбой. Кроме того, сыновья[2], проживающие вместе с родителями, полностью зависели от воли отца, находились в полном его подчинении, причем положение не менялось до тех пор, пока они не были отделены главой семейства и не начинали вести самостоятельное хозяйство, при этом не учитывалось даже то обстоятельство, что сын самостоятельно зарабатывал деньги. О чем, на наш взгляд, свидетельствует то обстоятельство, что отец мог посадить своего сына в тюрьму, если последний чем-либо ему не угодил: *«Стеѳанъ Юцович на Ивана Ивановича жаловал о томъ, иж што был сын мой Гаврило купил товару у Быхове ‹…› то как зо мъною порахованье чинити не хотелъ, а такъ я, взявши тот вес товар, до того Ивана, яко сотника местского присяглого, принесши в дом его, ему далъ, ижбы сыну моему не отдавалъ товару ‹…› поки бы се знимъ пораховалъ; то как он од мене взявши товаръ, не дбаючи ничог(о) на заказанную чину, сыну моему товаръ отдалъ. А Иван сотник ‹…› поведилъ, иж ач онь принес до мене ѳутро у мешечку, одно не ведаю, колко чого было и то оддалъ сыну его, а о вине той, которую менит на мене, не ведаю ‹…› А уряд ‹…› сказал тот товаръ принесть у суботу и того ж дня учинити ‹…› А иж сынъ того Стеѳана Гаврыло был посажонъ от отца, тогды тот Иванъ сотник взял его на рукоемъство, которого у суботу ставит маеть и тот товаръ вес принести ‹…› А учтивы Гаврыло, сын его ‹…› поведилъ, иж дей я ему того ж ч(а)су приехавши з Вилъна рахунок зо всего учинил…»* [1, с. 162 –164]. В данном случае, отец посадил своего сына в тюрьму по ложному обвинению, дело в том, что отец отказался от всех своих претензий к сыну, как только Гаврило собрался принести присягу в том, что рассчитался с отцом по торговым делам, что свидетельствует с одной стороны о том, что между отцом и сыном возникли разногласия межличностного характера, что и послужило поводом к такому наказанию, а то обстоятельство, что после этого сын не предъявил к своему отцу никаких встречных исковых требований за дни проведенные в тюрьме, и суд также не вынес никаких определений по этому поводу говорит о том, что сын был недельный, а значит и подобные действия были правомерными в глазах суда. В то время как сын, ведущий отдельное хозяйства, мог

---

[1] Перев.: «*принятый ‹…› ученик на то ремесло должен показать лист, что есть добрых родичов в стане малженском спложоны ‹…› ученик принятый на ремесло не имеет права быть у своего мистра более чем три года, а если бы ученик от своего мистра с науки утек и отсутствовал четыре недели, то его поручитель, который за него получился должен заплатить вину…*».

[2] В данном случае речь идет только о сыновьях, потому что дочь находилась под властью родителей до тех пор пока не вступала в брак, а в случае их смерти ей определялся опекун, причем вне зависимости от того, сколько ей на тот момент было лет.

Электронная библиотека Белорусско-Российского университета

потребовать возмещение ущерба с отца за подобные действия, как это сделали [1, с. 162–164]. Также отец, как глава семьи временами отстаивал интересы своих неотделенных сыновей в суде: *«…Гришка Васильевичь, чинил пилность и оповедане именемъ сына своего Федка Гридковича противъ Мишка Орла о томъ, ижь на року других дву недел ѳанту своего через уряд данного сыну моему в пенезех у полутрети копе гр(о)шей он Мишка, то есть сукня муравского, жупица люнска, портки коразеи темно зеленой не окупаеть, што и слуга мескій Гришко Ейцо созналъ, ижь на тот рокъ позвалъ ку выкупеню, нижли его самого не бачечы, светчылсе на уряде и пилность свою далъ записать…»* [1, с. 305]. Даже сыновья, имевшие собственную семью, но проживающие под одной крышей с родителями, не имели своего собственного имущества: *«…Стефан Сидорович, мещанин Могилевский, жаловалъ на Ждана сына своего о томъ ижь он без ведомости его, яко господара домового, з дому проч вышол и речей не мало выпроводилъ и при мне дей мешкати не хочет. А усчтивый Ждан поведил, ижь дей я з дому от отца не выходилъ и речей нияких не выносил, але жона дей моя речы свои вынесла, а не отцовския…»* [1, с. 321]. Подобная ситуация наблюдается и в других городах Речи Посполитой [20, s. 157].

Родители не только воспитывали своих детей, давали им образование, но и должны были относиться одинаково ко всем своим детям, не выделяя любимчиков. Это, прежде всего, касалось имущества родителей, которое должно было быть поделено между наследниками мужского пола в равных долях: *«Окула Васкович Пигор ‹…› таковые тестаменты учинил ‹…› сыномъ своимъ Миките а Оверку, яко дедичом властным, властными усты своими дедичы наменившы им обема то все* (здесь имеется ввиду все имущество – А.Н.) *в ровный делъ отписал…»* [1, с.403]. Исключение составляли те случаи, когда сын был отделен от отца, еще при жизни последнего: Так поступил и могилевский мещанин Никипор Дорохневич: *«А што се дотычит о сына ег(о) старшого Давыда ‹…› яко до того дому, волоки, моркгов сеножатных и до тых домов помененых ничог(о) мати не мает и вечне от тог(о) всего сына свого Давыда отдалилъ, и от всее маетности свое выдедичыл…»* [1, с. 534–535]; в отношении дочерей родители должны были предусмотреть возможность отдать их замуж, если не успели этого сделать при жизни, то есть позаботится о их приданном. Так, уже упомянутый Никипор Дорохневич *«дочце своей Любе отписалъ готовых гр(о)шей копъ три монеты и личбы литовской, которые приказалъ тым же сыном и жоне своей* (сыновья Яков и Исая, жена – Мария – А.Н.) *отдать, а выдаючы ее замуж своим властным коштом и накладомъ з своего дому и з маетности его учынит мают, ни в чом оных трех коп гр(о)шей не нарушаючы…»* [1, с. 534–535]. Имели право родители и отказать своим детям в наследстве, если они не слушали их, проявляли своеволие [16, с.250]. Так поступил Никипор Дорохневич по отношению к своему сыну Давыду: *«А што се дотычит о сына ег(о) стариого Давыда, которог(о) на тот час дома не было, тогды яко до того дому, волоки, моркгов сеножатных и до тых домов помененых ничог(о) мати не мает и вечне от тог(о) всего сына свого Давыда отдалилъ, и от всее маетности свое выдедичыл…»* [1, с. 534–535]. Говорить о том, что Давыд ослушался или просто чем-то не угодил своему отцу позволяет то обстоятельство, что с одной стороны отец не упоминает о том, что его сын был «выделен». Никипор никак не мотивирует своего поступка, просто отмечая, что Давыда нет дома. Данная причина не являлась достаточным основанием для лишения своего ребенка наследства, и более того, подобные действия в рассматриваемое время считались грехом: *«Аще кто своя чада, яко между себе вспитана любя, а не равно им свое именїе разделеай, яко чадоненавистник, не причастится Божественных Таин, донеже от Церкве отлучится и исправится...»* [13, л. 64].

Дети не только обладали целым рядом прав, но и несли определенные обязанности по отношению к своим родителям. Они должны были уважать и почитать своих родителей [8, с. 62, 75]. Кроме того, одной из важнейших обязанностей детей была забота о своих родителях. Следуя этому правилу, могилевчане нередко при составлении завещания давали своим детям поучения на этот счет. Так, поступил и Азар Романович (XVII в.): *«…иж сын его Алексей мает жону его а матку свою, во всяком пошонованю мети ховат(ь) жывить и кормить*

Электронная библиотека Белорусско-Российского университета

теплом и всякими потребами опатровать и адевать и по животе ее тело ее учтивее поховати, до того с тое маетности его…» [10, л. 189–189 обр.]. В XVI–XVII вв. нередкими были случаи, когда родители заключали со своими детьми соответствующие договора: *«…иж маем и повинны будем и тым записом нашим описуем ся отца нашого Гаврилу Стабановича до смерти его ховати кормити и одевати а по смерти тело его учтивее ведле обраду церковного Поховати. Которое доброволное а очевистое сознане Іакова а Онекея Гавриловичов до книг ест записано»* [11, л. 11]. Если дети не проявляли должной заботы о своих престарелых родителях, то последние имели право подать в суд на своих чад: *«…ставши очевисто Гришко Савинич мещанин могилевский жаловал на сына своего меншога Сенка, иж што он дей есми чловек летний при старости своей кормити ся чым не маю, а старость моя пришла до мене. Я сподеваючыся на сына своего менщого Сенъка восесми жил зродил сподеваючыся на него, же мое тело грешное поховал, а сынъ мой вдолший или я вжо увод деле и мене год двадцати до него дела жадного не маю припоминати ‹…› сын мой меньший Сенько ‹…› и мне ести мало дает ‹…› ецо моего власного за се же поле моего взел и продал за 3 копы 16 грошей готовых, узел у мене коп полторы, а в жоны моее, а матки своее приплоду корову продал взел полу крошей тое ж корови телят трое продал, а узел копу грошей и гр(о)щи два сукман мой власный ческий сермяга ‹…› жену его также обрабовал ‹…› мене не хотечи кормити нехай дей то свое поворочати, што у мене побрал и што есми жону его кормил абробовал нехай то мне поворочает ‹…› мое власное никому уступити ‹…› ведлуг письма святого а яко каждый чстил отца и матеру просто уважаючи есмо того Гришка Савинича вжо у летех хорого и недужого ‹…› аще сынове того Гришка Савинича имя а Сенько оного яко отца живностью водлуг жичности свое кормил до живота своего…»* [12, л. 40 обр.].

Таким образом, в XVI–XVII вв. для белорусских городов характерно наличие традиционного типа брачности, характеризующегося высоким уровнем рождаемости и не менее высоким уровнем детской смертности. Семья играла важную роль в воспитании подрастающего поколения. В семье происходил процесс социализации ребенка. Новый человечек знакомился с обычаями и традициями, сформировавшимися в данном обществе, постигал окружающий его мир, в семье закладывались мировоззренческие установки, присущие тому или иному сословию. Кроме того, ребенок знакомился с первой в своей жизнь социальной ролью – ролью ребенка, а также теми правами и обязанностями, которые на него возлагала эта роль.

Литература:

1. Акты издаваемые Виленскою комиссіею для разбора древних актов: в 39 т. – Вильна: Типограф. Губ. правл., 1865–1915. – Т. 39: Акты Могилевского магистрата XVI в. (1578–1580). – 1915. – 664 с.
2. Асвета і педагагічная думка ў Беларусі: са старажытных часоў да 1917 г./ М.А.Ткачоў [і інш.]. – Мінск: Народная асвета, 1985. – 464 с.6
3. Души людей умерлых. – Чернигов, 1687.
4. Историко-юридические материалы: в 32 т./под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 8: Приходо-расходные книги г. Могилева на 1691 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1591 – 1634 гг./под ред. Созонова – 1877. – 530 с.
5. Историко-юридические материалы: в 32 т./под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ, тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 9: Приходо-расходная книга г. Могилева за 1692 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1635 – 1646 гг./под ред. Созонова. – 1878. – 546 с.
6. ИЮМ: в 32 т./ под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ, тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 11: Приходо-расходная книга г. Могилева за 1697 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1706 – 1716 гг./под ред. Созонова. – 1880. – 536 с.

Электронная библиотека Белорусско-Российского университета

7. Историко-юридические материалы: в 32 т./под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871–1906.–Вып. 30: Акты, извлеч. исключительно из книг бывших присутственных мест Могилев. губ. за 1592–1796 гг./под ред. Д.И. Довгялло.–1903.– 360 с.
8. Катехізіс: помнік Рэфармацыі XVI ст./пад рэд. Н.Кабелка. – Мн.: Юніпак, 2005. – 213 с.
9. Корзо, М. Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI–XVIII вв.: становление, эволюция и проблемы заимствования / М.А. Корзо. – М.: «Конон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – 672 с.
10. НГА РБ – Ф. 1817. – Оп. 1 – Ед.хр. 7.
11. НГА РБ – Ф. 1817. – Оп. 1. – Ед.хр. 10.
12. НГА РБ – Ф. 1817. – Оп. 1. – Ед.хр. 343,4.
13. Номаканон. – Киев, 25.11.1624//МК. РГБ.
14. Риер, Я.Г. Историческая демография: учеб. пособие. / Я.Г. Риер – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 1999. – 112 с.
15. Скарына і яго эпоха / пад рэд. В.А. Чамярыцкага. – Мн.: Навука і тэхніка, 1990. – 282 с.
16. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: тэксты, даведнік, каментарыі/ рэдкал.: І.П.Шамякін [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 573 с.
17. Сям'я і сямейны быт беларусаў/пад рэд. В.К.Бандарчыка [і інш.]. пад агульн. рэд. В.К.Бандарчыка – Мн.: Навука і тэхніка, 1990. – 256 с.
18. Чаквін, І.У. Этнаграфія беларусаў эпохі Скарыны: сямейны і грамадскі побыт, матэрыяльная і духоўная культура/І.У.Чаквін//Скарына і яго эпоха /пад рэд. В.А.Чамярыцкага – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 280 с.
19. Badinter, E. Historia miłości macierzyńskiej./ E. Badinter. / przekład R.Choiński. – Warszawa: Wydaw. „Liga Respublikańska", 1998. – 276 s.
20. Baranowski, B. Życie codzienne małogo miasteczka w XVII i XVIII wieku/ B. Baranowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1975. – 287 s.
21. Delimata, M. Dźecko w Polsce średniowiecznej./ M. Delimata. – Poznań: Wydaw. Poznańskie, 2004. – 259 s.
22. Kuchowicz, Z. Człowiek polskiego baroku/Z.Kuchowicz–Łódz: Wydaw. Łódzkie, 1992.–395 s.
23. Ptaśnik, J. Miasta i mięszczaństwo w dawnej Polsce/J. Ptaśnik. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1949. – 439 s.
24. Samsonowicz, H. Życie miasta średniowiecznego./ H. Samsonowicz. – Poznań: Wydaw. Poznańskie, 2001. – 186 s.

Приложение.

Детность в семьях могилевских горожан в XVI – XVIII вв.

кол-во детей / год (век)	0	1	2	3	4	5	6	8
XVI в.	7	9	7	7	4	2	1	0
XVII в.	9	16	27	21	11	4	5	0
XVIII в.	6	16	20	11	7	0	1	1
Итого кол-во семей	**22**	**41**	**54**	**39**	**22**	**6**	**7**	**1**
%	**11,46**	**21,35**	**28,13**	**20,31**	**11,46**	**3,13**	**3,65**	**0,52**

Электронная библиотека Белорусско-Российского университета